

Протесты без лидеров

МНОГОВАРИАНТНЫЙ ВЫБОР КАК ИСТОЧНИК СИЛЫ

Аналитическая записка No. 220

ПОНАРС Евразия

Сентябрь 2012 г.

Павел К. Баев

Институт исследований проблем мира, Осло (Норвегия), Oslo (PRIO)

Одним из самых поразительных и сбивающих с толку свойств, характерных для волны протестов, охвативших Москву после сфальсифицированных парламентских выборов декабря прошлого года, является отсутствие руководящего ядра, объединенного общими целями и организационными связями. А ведь у самых успешных «цветных революций» (а до них – у «бархатных революций») был один или несколько харизматических лидеров. К примеру, на Украине 2004 г. был дуэт Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко, а в Восточной Европе – столь выдающиеся личности, как Вацлав Гавел и Лех Валенса, благодаря которым 1989 г. вошел в анналы истории как *anno mirabilis – год чудес*. Но ведь, с другой стороны, и список успешных революций, у которых не было лидеров, – начиная с массовых антиправительственных выступлений на берлинской площади Александершлатц (1989 г.) и кончая аналогичными выступлениями на каирской площади Тахрир (2011 г.) – отнюдь не короток. И проблема даже не в том, что замифологизированная история русской революции 1917 г. не позволяет нам вообразить себе революцию без вождя, а в том, что чрезмерная ставка на личность, которая делается в современной политической культуре, вынуждает как наблюдателей, так и оппозиционеров постоянно задаваться вопросом, на который нет ответа: «Если не Владимир Путин, то кто же?» Однако может статься так, что сбивающее с толку множество ораторов, пытавшихся за пять минут славы, которая выпала на их долю на митингах на Болотной площади и проспекте Сахарова, набрать себе политический вес, не является свидетельством слабости оппозиции, как полагает вновь ставший президентом Путин, но источником ее силы.

Старая гвардия и новая энергия

И до декабрьского взрыва недовольства в Москве уже существовало ядро профессионально протестующих. Как и следовало ожидать, эти ветераны попытались возглавить возмущенную толпу, которая совершенно неожиданно для них собралась и стала разрастаться в геометрической прогрессии. Некоторым – Борису Немцову, Владимиру Рыжкову и Илье Яшину – это удалось, и они выступали либо принимали участие в большинстве митингов. Другие же – Гарри Каспаров, Михаил Касьянов, и, что особенно бросается в глаза, архиепископальный лидер партии «Яблоко» Григорий Явлинский – остались в стороне, лишь виртуально присутствуя в этой набирающей обороты кампании. Но, анализируя отношение общественности к обеим группам, становится очевидным что, начиная с первого значительного события – митинга на Болотной площади 10 декабря 2011 г. и вплоть до заключительного эпизода сезона – марша на проспект Сахарова 12 июня 2012 г., их повсеместно воспринимали как некое дежавю – людей из прошлого, которые пытались произвести впечатление своей значимости, но при этом понятия не имели о стремлениях и возможностях новой волны.

Троим протовождям удалось завоевать популярность среди масс и внимание СМИ. Ими стали левый радикал Сергей Удальцов, борец с коррупцией, блогер Алексей Навальный, и активистка экологического движения Евгения Чирикова. Каждый из них сумел сплотить вокруг себя широкий и разветвленный круг сторонников. Им удалось вызвать доверие у широких масс потому, что в прошлом они не были запятнаны сотрудничеством с «коррупцированной» властью, как Касьянов и Немцов, а также не ассоциируются с провалом попыток создать сколько-нибудь значимую оппозиционную группировку, как Рыжков и Явлинский. Кроме того, Навальный сумел наладить связи в кругах националистов, а Удальцов продемонстрировал великолепные бойцовские качества, проявив личное мужество и готовность оспорить правила проведения уличных протестов, умышленно сформулированные властями так, чтобы развязать себе руки.

Колоритный миллиардер Михаил Прохоров является еще одним примечательным новичком на политической сцене, набравшим президентских выборах 2012 г. 8% голосов. Однако он лишь пару раз мимолетом появлялся на митингах, полагая, что его избиратели на них не ходят. Что же до бывшего министра финансов Алексея Кудрина, то вряд ли его вдохновил свист, которым была встречена его речь на митинге на проспекте Сахарова. Благодаря своему уникальному моральному авторитету вождем мог бы стать Михаил Ходорковский, но это может случиться лишь после того, как он выйдет на свободу, а Путин приложит все усилия, чтобы не допустить этого. Массовые выступления протеста городского среднего класса неизбежно порождают раскол среди правящей элиты, однако участники уличных протестов не проявили явной благосклонности к перебежчикам из кремлевского лагеря, и уж тем более не видели в них своих вождей.

На улицу выходят мастера культуры

Явный дефицит моральных авторитетов на хаотичной российской «ярмарке тщеславия» компенсируется активной вовлеченностью в движение протеста на редкость энергичной группы творческой интеллигенции – писателей, музыкантов, художников, а также пользователей системы twitter. Сочетание традиционной и современной культуры придало более четкие контуры процессу брожения умов среди «креативного класса», сыграв важную роль еще до первого митинга на Болотной площади, но, начиная с этого события, целый ряд известных мастеров искусства подключились к инициированию и организации массовых манифестаций.

Согласно старой русской традиции, роль застрельщиков взяли на себя писатели. В этой «культурной атаке» особое внимание привлекли автор популярных детективных романов Борис Акунин, а также разносторонне одаренный Дмитрий Быков, автор сатирического проекта «Гражданин поэт». В напряженной атмосфере, наступившей после инаугурации Путина, они организовали Прогулку писателей по московским бульварам. К ним присоединились тысячи читателей, подтверждая, таким образом, свое право на свободу уличных шествий. Их ряды пополнились за счет журналистов печатных и электронных СМИ, в частности - трех ведущих представителей журналистского цеха: Ольги Романовой, Леонида Парфенова и Ксении Собчак. Там было и немало блогеров, среди которых стоит особо упомянуть Рустема Адагамова (Другой). Оказавшись вместе, эти люди обеспечили освещение этого события в средствах массовой информации, а также сделали его «модным» в глазах культурной элиты, при этом сами они не стремились пробиться на сцену и оказаться в центре всеобщего внимания. Обычно рок-музыка не реализовывала свой мощный протестный потенциал, но в данном случае Юрий Шевчук, кумир любителей этого жанра, привлек тысячи своих поклонников. Бросалось в глаза отсутствие звезд кино и спортивных знаменитостей (хотя Путину удавалось привлекать их к участию в своей избирательной кампании в массовом порядке).

Поразительно то, что волна событий вытолкнула такие личности как Акунин, Парфенов, Романова и Шевчук на значительно более высокий уровень ответственности, нежели они сами рассчитывали, и в новой роли им было явно не комфортно. И эта ответственность связана не столько тем, что благодаря их выступлениям на митингах и участием в дебатах в блогосфере количество протестующих значительно увеличилось, а тем, что они пользуются гораздо бóльшим авторитетом, нежели большинство честолюбивых политиков. Но это доверие общественности не передалось ни Немцову, ни Яшину, хотя они и стояли рядом с Быковым и Парфеновым на трибуне.

Политика микроскопических партий и апатия в регионах

Новое законодательство о регистрации политических партий и о проведении условных губернаторских выборов открывает возможность для реорганизации оппозиционного движения и со временем создаст условия для появления сильных

лидеров. Однако первоначальные признаки не дают оснований для оптимизма, и проблема не только в нехватке времени. Рыжков восстановил свою Республиканскую партию России и объединил ее с ПАРНАСом,¹ возглавляемым Немцовым и Касьяновым, однако в глазах многих новообращенных мятежников это образование несет с собой багаж старых неудач. Владимир Милов сформировал протопартийное образование «Демократический выбор» и тут же начал конфликтовать с большинством других группировок, пытаясь при этом заключить союз с «Яблоком», которое оказалось не в состоянии зарядить новой энергией свой усталый электорат постсоветских интеллигентов. Прохоров выяснил, что шесть миллионов избирателей, проголосовавших за него, не рвутся маршировать под его знаменами, и решил сформировать профессиональную партию «Гражданская платформа», которая, предположительно, будет оказывать различные политические и юридические услуги независимым кандидатам. Кудрин свел свою задачу к роли председателя экспертного клуба под названием «Комитет гражданских инициатив», который мог бы пригодиться для целей стимулирования инакомыслия в правящей элите, но шансы превратиться в ядро либеральной партии у него ничтожны.

Попытки создать региональные сети, чтобы вдохнуть жизнь в эти микроскопические партии, принесли глубокое разочарование. У Прохорова произошло неприятное столкновение с реальностью, когда на выборах мэра Красноярска (для него это была «своя» территория) кандидат, которого он продвигал, получил лишь третье место. Его значительно опередил кандидат «Единой России», при том, что в выборах принял участие лишь 21% избирателей. Не принесла никаких результатов и кампания в поддержку Олега Шеина, бросившего вызов кандидату правящей партии на выборах мэра Астрахани, результаты которых были грубо сфальсифицированы. Он проиграл главным образом из-за того, что местные жители были лучше знакомы с его пёстрой биографией, нежели московские «гости». Евгений Ройзман является единственным региональным активистом, которому удалось приобрести общенациональную известность. Он возглавляет в Екатеринбурге фонд «Город без наркотиков», но его слава нанесла серьезный ущерб его делу. В большинстве областных центров средний класс весьма скептически настроен в отношении «Единой России», однако он еще не готов выступать против Путина. Губернаторы, возглавляющие коалиции местных кланов, удерживают политическую ситуацию под контролем, и первый тур региональных выборов осенью этого года это подтвердит.

Новое политическое вино в старые меха

Этот анализ организационных провалов и мертворожденных проектов оппозиции может показаться чересчур пессимистичным, но на самом деле он лишь подтверждает, что традиционные формы структурирования недовольства уже

¹ ПАРНАС: «Партия Народной свободы/За Россию без произвола и коррупции»

исчерпаны. Отчасти это связано с тем, что российский квази-демократический режим потратил немало сил на подавление и компрометацию оппозиции. Путинские соглядатаи по-прежнему продолжают преследовать Удальцова, Навального и Яшина, применяя к ним выверенные порции репрессий в расчете на то, что оказавшись «обезглавленным» движение начнет резко сокращаться. Эта политика явно не работает, поскольку на всякий акт закручивания гаек Кремлем, оппозиционные массы отвечают новым мобилизационным порывом, но при этом дерзких диссидентов не удается превратить в подлинных вождей. На редкость воодушевленная толпа, собиравшаяся на уличные митинги, отнюдь не рвалась определиться с выразителем своих чаяний; а короткие выступления известных личностей смотрелись скорее как элемент развлечения, нежели как предварительный просмотр кандидатов, стремящихся попасть в последний тур конкурса.

Множественность претендентов на роль вождя создает возможность для объединения широко круга претензий и стремлений под знаменами «белого движения», но оно же и затрудняет возможность сформулировать сколько-нибудь осмысленные цели, помимо лозунга «Долой Путина!». Мало кто из протестующих был вдохновлен пресным «Манифестом Свободной России», который был озвучен на митинге 12 июня (документ выложен на ej.ru). И хотя какие-то объемы этого всплеска недовольства проходят через процесс традиционной кристаллизации и малые группы начинают формировать более крупные структуры, преобладающая часть возникающего креативного класса предпочитает налаживание горизонтальных связей и сетей, нежели работу над созданием вертикальной структуры. Митинги предоставили уникальную возможность превратить виртуальные знакомства в социальных сетях в приятельские отношения в толпе, что, в свою очередь, придало новый стимул к расширению протестной блогосферы. Это перетекание из виртуального мира в реальный и наоборот было удачно отражено самодельным плакатом на митинге 12 июня: «Ты видел эту картинку на экране своего компьютера? Тогда выходи на улицу!»

Радость от обнаружения огромного количества реальных единомышленников, недовольных отсутствием системы политического представительства, способствовала карнавальной уличной атмосфере. Но этот прорыв в эволюции российского общества не способствовал росту политических партий. Вместо него появилось множество экспериментальных форм политической организации. Их можно было наглядно наблюдать в течение недели в лагере анархистов «Оккупай Абай», названным в честь памятника казахскому поэту Абаю Кунабаеву, рядом с которым после долгих блужданий обосновались непоседливые участники акций протестов. Кстати, несмотря на то, что лагерь был анархистским, в нем поддерживалась идеальная дисциплина. Потом они мигрировали в параллельные миры незарегистрированных сетей и групп по социальным интересам. Невозможно замерить сколько энергии накопилось там, но эта диффузионная фаза резко отличается от апатии и «внутренней эмиграции», характерных для периода раннего путинизма первой

декады этого века. Любая искра, как, например, трагедия Крымска, где в июле наводнение унесло много жизней, может вызвать слияние этих невидимых сетей, что произведет мощный выброс социальной энергии.

Выводы

Нынешней осенью, когда наступит очередной раунд политического кризиса в России, не появятся новые вожди протестного движения. Более того, коллапс путинской структуры власти может произойти раньше, чем оппозиция успеет консолидироваться. Столь же очевидно и то, что региональная политическая динамика заметно отстает от московской (вторым за столицей на большой дистанции идет Санкт-Петербург). Маловероятно, что общепризнанный лидер всероссийского масштаба возникнет где-то на раздробленном политическом пространстве от Калининграда до Владивостока. Однако, это отнюдь не означает, что Россия обречена на погружение в неструктурированный политический хаос.

Непосредственной задачей оппозиции является удвоение масштаба московских уличных выступлений до 200-250 тысяч участников. Это могло бы быть достигнуто путем большей мобилизации студенчества, что, в свою очередь, предполагает появление нескольких новых молодежных лидеров, а отнюдь не усиленный пиар уже имеющихся в наличии «добротных» вожаков. Поворотным моментом могло бы стать последующее удвоение, когда численность митингующих достигла бы полумиллиона. Это с большой вероятностью привело бы к краху режима, покинутого своими защитниками. Такой прорыв зависел бы от способности объединить потоки политического и экономического недовольства путем слияния «белой» оппозиции с левыми силами «неимущих». Для этого, возможно, нужно было бы заключить союз с некоторыми фракциями «Справедливой России» и Коммунистической партии. Поэтому на трибуне для руководства станет еще теснее, что, в свою очередь, наверняка породит перебранку и конфликты среди лидеров пост-путинского мятежа. Но это необязательно перерастет в катастрофу. Ведь главной политической задачей является не наделение властью господ X-Y-Z, но демонтаж чересчур централизованного аппарата власти и создание широкой коалиции, представляющей различные интересы, обеспечение разделения ветвей власти, а также отчетности власти перед народом – иными словами, все то, что в мире называется демократией.